

Роберт Луис Стивенсон

Берег Фалеза

Перевод с английского
Татьяны Озерской

ФТМ

Роберт Льюис Стивенсон

Берег Фалеза

«ФТМ»

1892

Стивенсон Р.

Берег Фалеза / Р. Стивенсон — «ФТМ», 1892

ISBN 978-5-4467-2806-0

«Берег Фалеза», – небольшая повесть шотландского писателя и поэта Роберта Луиса Стивенсона в переводе Татьяны Озерской, как и другие приключенческие произведения автора рассказывают о человеческой страсти к путешествиям, которые заводят искателя приключений на другой край земли, где по странному стечению обстоятельств, авантюрист находит ровно то, что ему не хватало, чтобы остаться дома в старой, доброй Англии.

ISBN 978-5-4467-2806-0

© Стивенсон Р., 1892

© ФТМ, 1892

Содержание

Глава первая. Свадьба на островах	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Роберт Луис Стивенсон

Берег Фалеза

Глава первая. Свадьба на островах

Ночь была на исходе, однако еще не рассвело, когда я впервые увидел этот остров. На западе полная луна уже закатывалась, но светила ярко. А на востоке, где занималась заря, утренняя звезда сверкала, как алмаз. Легкий ветерок, повеяв с суши нам в лицо, принес с собой острый аромат ванили и лимона. Я ощущал и другие запахи, но этот был особенно силен, а ветер прохладен, и я чихнул. Должен сказать, что уже не первый год я жил на одном из плоских океанских островов, жил в полном одиночестве, среди туземцев. Но то, что теперь открылось моему взору, было для меня ново, даже языка здешнего населения я не знал, а вид этих лесов и гор и такой непривычный их аромат взбудоражили мою кровь.

Капитан потушил нактоузный фонарь.

– Вон, смотрите, мистер Уилтшир, – сказал он, – видите, за этим рифом вьется дымок. Там и будет ваша резиденция. Это Фалеза – самое восточное из поселений; дальше никто не селится, уж не знаю, почему. Возьмите-ка бинокль, и вы различите хижинки.

Я взял у него бинокль, берег придвинулся ближе, и я увидел чащу леса, белую полосу прибоя, коричневатые кровли и темные стены хижин, прячущихся среди деревьев.

– А вон там, восточнее, видите, что-то белеет? – продолжал капитан. – Это ваш дом; стоит он высоко, сложен из кораллового туфа, с трех сторон окружен широкой верандой. Лучшей постройки не сыщется во всех Южных морях. Когда старый Эдемс увидел этот дом, он схватил мою руку и давай трясти. «Я тут у вас совсем разнежусь!» – сказал он. «Что ж, – ответил я. – Может, и пора уже». Бедняга Джонни! Я видел его с тех пор лишь раз, и тут он уже пел по-другому – то ли не мог поладить с туземцами, то ли с белыми, то ли еще что. А в другой раз, когда мы снова приплыли, он был уже мертв и лежал в земле. Я поставил столбик на его могиле: «Джон Эдемс, скончался в 1868 году. Туда же отойдешь и ты». Я пожалел о нем. Он был неплохой человек, этот Джонни.

– Отчего он умер? – спросил я.

– Какая-то хвороба, – сказал капитан. – И как-то вдруг она его скрутила. Он, видать, встал ночью, выпил «Болеутоляющее» и «Бальзам Кеннеди». Но не помогло, какой уж тут «Кеннеди»! Тогда он открыл ящик с джином. Опять не то, – крепости не хватает. Тут он, должно, выбежал на веранду и перемахнул через перила. На другой день, когда его подобрали, он уже полностью спятил: все нес какую-то чепуху, будто кто-то подмочил его копру. Бедняга Джонни!

– Это что же, климат здесь такой, что ли? – спросил я.

– Да, одни считают, что климат, другие, что тоска его заела, а может, и еще что, – отвечал капитан. – Только я никогда не слышал, чтобы на климат тут жаловались. Последний из наших здешних ребят, Вигорс, как был, так и остался здоровехонек. А удрал он отсюда из-за местных: говорили, что он боялся Черного Джека, и Кейза, и Свистуна Джимми, который в ту пору был еще жив, а потом утонул спьяну. А что до старого капитана Рэндолла, так он здесь уже года с сорокового или сорок пятого. И как-то я не замечал, чтобы старик Билли прихварывал или вообще хоть чуть изменился за это время. Проживет, верно, Мафусаилов век. Нет, место здесь здоровое.

– Нам навстречу идет какая-то посудина, – сказал я. – Она сейчас как раз в проливе. Похоже, вельбот. На корме двое белых.

– Да это же то самое судно, с которого свалился спьяну Свистун Джимми! – воскликнул капитан. – Дайтека сюда бинокль. Ну да, а вон и Кейз собственной персоной и с ним Черный Джек. Это все висельники, о них идет самая дурная слава, но вы же знаете, как на островах любят посудачить. На мой взгляд, все беспокойство было от Свистуна Джимми, ну, а он уже отправился к праотцам. Думаете, куда это они? За джином, и ставлю пять против двух – раздобудут шесть ящиков.

Когда эти двое поднялись к нам на борт, они оба, сразу, понравились мне: вернее, с виду понравились оба, а один – и своими речами. Четыре года прожив на экваторе, я стосковался по разговору с белыми людьми: все это время я был как в заточении: на меня даже накладывали табу, и я должен был отправиться к вождю, чтобы он снял его с меня, после чего я напивался джина и куролесил, а потом сам же каялся и сидел все вечера дома один на один со своей лампой или бродил по берегу и клял себя на чем свет стоит за то, что оказался таким дураком и очутился здесь. На острове, где я жил, других белых не было, а на соседних островах, куда мне случалось плавать, это был народ все больше самый отпетый. Вот почему я так обрадовался, когда эти двое поднялись на борт. Один из них, положим, был негр, но в своих щегольских полосатых куртках и соломенных шляпах они оба выглядели хоть куда, а Кейз мог бы сойти и за столичного жителя. У него было желтоватое худощавое лицо, нос с горбинкой, очень светлые глаза и подстриженная бородка. Никто не знал толком, откуда он родом, а по языку его считали англичанином; было видно, что он из хорошей семьи и получил недурное образование. Вообще он был на все руки: славно играл на гармонии и не хуже любого циркача мог показывать фокусы с веревкой, пробкой или колодой карт. При желании он умел поддержать и салонный разговор, умел и сквернословить, что твой американский боцман, а то наврет такого, что не вмоготу слушать даже канакам. Он всегда поступал так, как ему было выгодней, но это получалось у него как-то естественно, словно по-другому и быть не могло. Он был храбр, как лев, и хитер, как крыса, и если теперь он не горит в аду, значит никакого ада не существует вовсе. Я знаю за ним только одно-единственное достоинство: он любил свою жену и был к ней добр. Она была туземка с острова Самоа и по самоанскому обычаю красила волосы в рыжий цвет. Когда он умер, о чем речь пойдет ниже, открылась одна довольно странная вещь: оказалось, что он, как истинный христианин, оставил завещание, по которому все свое имущество отписал вдове: в сущности, как говорили, ей досталось все, что принадлежало ему и Черному Джеку, и почти вся доля Билли Рэндолла, потому как отчетность-то вел Кейз. И его вдова отбыла на шхуне «Мануа» и живет припеваючи у себя на родине по сей день.

Но в то утро, когда я впервые встретился с ним, мне обо всем этом было известно не больше, чем любой мухе. Кейз приветствовал меня очень любезно и даже дружелюбно, от души поздравил с прибытием на остров и предложил свои услуги, что было для меня, совсем не знавшего местных обычаев, крайне приятно. Большую часть дня мы провели в каюте – пили за наше знакомство, и, признаться, я еще не встречал человека, который говорил бы так дельно и толково, а хитрее и оборотистее торговца едва ли можно было найти на островах. Словом, мне уже начинало казаться, что более подходящего места для торговли, чем Фалеза, не сыскать, и чем больше я пил, тем легче становилось у меня на душе. Последний представитель нашей фирмы исчез отсюда как-то внезапно: потратив на сборы не более получаса, он сел на первый попавшийся корабль, шедший с востока. Когда сюда завернуло наше судно, капитан нашел лавку закрытой; туземный пастор передал ему ключи от нее вместе с письмом беглеца, в котором тот признавался, что удирает, так как боится за свою жизнь. С тех пор наша фирма не имела здесь своего представителя и, понятное дело, ничего отсюда не вывозила. Сейчас дул попутный ветер, капитан рассчитывал с зарей попасть уже на другой остров, и выгрузка моих товаров шла полным ходом. А мне о них беспокоиться нечего, заверил меня Кейз, никто их не тронет: здесь все люди честные, ну разве что стащат курицу, или старый нож, или пачку табаку. Словом, я могу сидеть себе спокойно и ждать, пока судно не отплывет, после чего мы

пойдем прямо к нему домой, познакомимся со старым капитаном Рэндоллом, патриархом, так сказать, этого острова, пообедаем с ним чем бог послал, а потом я могу отправиться домой и хорошенько выспаться. Короче, был уже полдень, и шхуна снова легла на курс, когда я ступил на берег Фалеза.

Еще на борту я хватил стаканчик-другой, морской переход наш был довольно долог, и теперь земля качалась у меня под ногами, словно палуба корабля. Весь мир казался мне ярким, словно свежескрашенным, а ноги двигались как бы в такт музыке; цветущий остров верно был сказочной страной Зеленых Скрипачей, если такое место существует на свете, а если нет, то, право, жаль. Приятно было чувствовать травку под ногой, глядеть ввысь на зеленые горы и на туземцев с их повязками из зеленых листьев вокруг бедер, и на женщин в цветных платьях-красных или синих. Так мы шли, то под палящим солнцем, то в прохладной тени, причем и так и этак было приятно, а ребятишки со всего селения бежали за нами – бритоголовые, бронзовые от загара, и верещали, словно стая птенцов.

– Между прочим, – сказал Кейз, – нужно раздобыть вам жену.

– Правильно, а я-то чуть было не позабыл, – сказал я. Нас окружала толпа девушек, и я, приосанившись, огляделся вокруг, словно какой-нибудь паша. Все они принарядились, как только до них долетела весть о прибытии нашего судна, а женщины Фалезы славятся своей красотой. Правда, зад у них малость тяжеловат, но это, пожалуй, единственный изъян в их телосложении. Словом, вот чем были заняты мои мысли, когда Кейз тронул меня за плечо.

– Вот эта недурна, – сказал он.

К окружавшей нас толпе приближалась девушка. Она, как видно, возвращалась с рыбной ловли, и рубашка на ней промокла насквозь. Девушка была молоденькая, очень стройная, стройнее других островитянок; лицо у нее было продолговатое, лоб высокий, а взгляд странный, застенчивый, словно бы незрячий; было в ней что-то одновременно и детское и кошачье.

– Кто она такая? – спросил я. – Пожалуй, она мне подойдет.

– Ее зовут Юма, – сказал Кейз и, подзвав девушку, заговорил с ней на местном наречии. Не знаю, что он ей сообщил, но во время его речи она метнула на меня быстрый пугливый взгляд, словно ребенок, который хочет уклониться от удара, и тотчас опустила глаза и внезапно улыбнулась. Рот у нее был крупный, губы и подбородок – прямо как у статуи какой-нибудь богини. Улыбка сверкнула и погасла. Потом девушка стояла и, склонив голову, слушала Кейза, пока тот не умолк, затем ответила что-то своим мелодичным голосом, глядя ему прямо в лицо, выслушала его ответ, и послушно направилась ко мне. Я был удостоен поклона, но глаз она больше не подняла, не улыбнулась и не проронила ни слова.

– Ну, как будто все в порядке, – сказал Кейз. – Вы ее получите. А с ее старухой я договорюсь за пачку табаку, – добавил он, ослабившись, – и вы будете иметь то, что выбрали себе из этого стада.

Верно, его улыбка задела меня за живое, потому что я ответил довольно резко:

– Она совсем не похожа на девушку такого сорта.

– Может, и не похожа, – сказал Кейз. – Может, она и не из таких. Держится особняком, с остальными не якшается, ну и всякое такое прочее. Нет, вы меня не поняли: Юма хорошая. – Кейз, казалось мне, говорил очень горячо, и это удивило меня, но вместе с тем было и приятно. – Признаться, – продолжал он, – я не очень-то был уверен, что она согласится, но, оказывается, вы ей сразу приглянулись. Теперь от вас требуется только одно: держаться в стороне и не мешать мне обрабатывать ее маменьку всеми имеющимися в моем распоряжении средствами, после чего я приведу девушку к капитану Рэндоллу и вас соединят с ней брачными узами.

Выражение «брачные узы» было мне не совсем по нутру, и я ему это высказал.

– Ну, от этих брачных уз вы не пострадаете, – сказал он. – Капелланом у вас будет Черный Джек.

Тем временем мы уже подходили к дому, где жили белые, их было трое, ибо здесь негры причислялись к белым, так же как и китайцы, – вещь хотя и странная, но вполне обычная на островах. Дом оказался довольно просторным, окруженным шаткой верандой. Переднюю часть дома занимала лавка; я увидел весы и весьма жалкий ассортимент товаров: два-три ящика с мясными консервами, бочонок с сухарями, несколько кусков хлопчатобумажной ткани. Все это не шло ни в какое сравнение с товарами, которые привез я. Только контрабандное оружие и спиртные напитки были представлены довольно богато. «Если это все, чем располагают мои конкуренты, – подумалось мне, – на этом острове я не пропаду». В самом деле, ведь только оружием и алкоголем они и могли помериться со мной.

В задней комнате мы нашли старого капитана Рэндолла; он сидел по туземному обычаю – на корточках на полу; жирный, обнаженный по пояс, сивый, как барсук, бледный, с ввалившимися от пьянства глазами. По его седой волосатой груди ползали мухи, а одна устроилась даже в уголке глаза, но он не обращал на это ни малейшего внимания; москиты же вились вокруг него, словно рой пчел. Всякому нормальному человеку было ясно: это жалкое создание следовало бы тут же прикончить, предать земле, и, глядя на него, я сразу отрезвел; у меня стало мутно на душе, когда я подумал о том, что ему семьдесят лет и что когда-то он был капитаном корабля и, элегантный, подтянутый, сходил где-то на берег и сидел, развалившись в кресле, на верандах клубов или надменно разглагольствовал в барах и консульствах. Когда я вошел, он сделал попытку подняться, но она не увенчалась успехом; тогда он ограничился тем, что протянул мне руку и пробормотал какое-то приветствие.

– Папаша уже порядком нагрузился сегодня с утра, – заметил Кейз. – У нас тут сейчас разыгралась эпидемия, и капитан Рэндолл принимает джин как профилактическое средство. Верно я говорю, папаша?

– Это еще что за гадость, я и не слыхал про такую! – возмущенно вскричал капитан. – Я пью джин, как лекарство, для сохранения здоровья. Это мера предосторожности, мистер, как вас там...

– Все в порядке, папаша, – сказал Кейз. – Но тебе надо подтянуться. У нас сейчас тут будет свадьба: мистер Уилтшир намерен сочетаться браком.

Старик осведомился, с кем именно.

– С Юмой, – сказал Кейз.

– С Юмой? – воскликнул капитан. – Для чего ему понадобилась Юма? Он же приехал сюда для поправки здоровья? На черта ему Юма?

– Захлопнись, папаша, – сказал Кейз. – Не тебе ведь на ней жениться. И, насколько мне известно, ты ей не крестный отец и не крестная мать. Как я понимаю, мистер Уилтшир сам знает, что ему надо.

И, попросив извинить его – ему, дескать, надо пойти похлопотать насчет свадьбы, – он оставил меня вдвоем с этим несчастным старым подонком, который был его партнером, а честнее говоря, его жертвой. И лавка и товары принадлежали Рэндоллу. Кейз и негр были при нем просто паразитами; они так же, как эти мухи; прилепились к нему и пили из него кровь, но он этого не понимал. В сущности, я не могу сказать ничего дурного о Билли Рэндолле – просто он вызывал омерзение, и время, проведенное в его обществе, вспоминается мне, как страшный сон.

В комнате было нестерпимо жарко, душно и черно от мух; дом был маленький, грязный, с низким потолком, стоял на скверном месте, на краю поселка, у самой опушки леса, который преграждал доступ ветру. Его обитатели спали прямо на полу; тут же на полу валялась кухонная утварь и посуда. Ни стола, ни стула в комнате не было. Рэндолл, напиваясь, становился буйным и разносил все в щепы. И вот я тоже сидел на полу и принимал угощение, которое подавала жена Кейза, и так провел весь день в обществе этого человеческого обломка, а тот старался занимать меня разными заплесневелыми грязными шуточками и такими же заплес-

невелыми длиннющими анекдотами и вовсе не замечал, как мне от всего этого тошно, а сам то и дело радостно заливался сиплым смехом, слушая самого себя. И все время, не переставая, сосал джин. Порой он засыпал, потом просыпался, принимался хныкать и поеживаться и снова спрашивал меня, почему я хочу жениться на Юме. «Держись, дружище, – твердил я себе весь день, – как бы тебе не превратиться на старости в такую же вот развалину».

Было, вероятно, уже часа четыре пополудни, когда задняя дверь неслышно приотворилась, и в комнату вползла – ей-богу, казалось, что она ползет на брюхе, – старая туземка весьма странного вида, с головы до пят закутанная в какую-то черную тряпку. В волосах ее серели седые пряди, а на лице я заметил татуировку, что необычно для здешних островитянок. У нее были огромные, блестящие, совсем безумные глаза. Взгляд их был прикован ко мне в немом и неистовом обожании, малость, как показалось мне, наигранном. Я не услышал от нее ничего членораздельного, она только причмокивала языком, бормотала что-то и напевала себе под нос, словно дитя при виде рождественского пудинга. Старуха проползла через всю комнату, не отклоняясь, прямо ко мне и, достигнув своей цели, тотчас схватила мою руку, издавая при этом какие-то мурлыкающие звуки, словно огромная кошка. Затем она исполнила нечто, вроде песни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.